

От автора

Так случилось, что я вспоминаю будущее.

Если ты веришь в реинкарнацию, знай — душа в череде воплощений не совершает поступательного движения во времени. Вполне возможно, в прошлом рождении ты тоже видел, что будет с миром тысячелетия вперед.

Вспоминать я начал случайно, и не с этой истории. Поначалу не очень себе верил. То, что всплывало в памяти, казалось бредом или болезнью, картинки были обрывочными и бессвязными...

Потом все как-то утряслось. Да, я вспоминаю нечто. Я искренен с тобой, читатель. Все имена и названия в моих историях — настоящие. Огласовку менял лишь в тех случаях, когда она немилосердно резала современное ухо.

Читай. И пусть пройдет время, чтобы мы узнали, что здесь правда.

Я благодарю друзей и помощников. Одни мысленно были со мной, другие помогали исправлять ошибки, третьи не давали забыть, что живу я все-таки в нашем времени.

Перес Мешник
Виктор Ковтуненко
Елена Чернышева
Елена Кулагина
Влад Никитин
Павел Техдир Антипов
Душа Хрустальная
Елена Грушковская
Анна Самойлова
End1

Спасибо вам. Вы спускали меня с неба на землю и давали силы подняться снова.

История первая ПРОБЛЕМЫ С ВНЕШНОСТЬЮ

*Из дневниковых записей пилота Агжея Верена.
Система Кога-2, Карат (Ивирэ)*

Еще одна девица склонилась к другой, кивая в мою сторону.

Чего они все уставились?

Маленькие, пестрые, разряжены словно сороки. Есть такие птицы, жадные до побрякушек. Живьем я, правда, сорок не видел, только на голо. Говорят, их привезли когда-то прямо с Земли. Хотя, кто знает, была ли вообще эта Земля? А девчонки — вот они, руку протяни...

Первый раз после того, как покинул дом, еду в общественном транспорте. Он и сохранился-то лишь на закраинных планетах вроде моей родной или этой.

Парень вот на меня выпучился. Но молчит. Я на полголовы выше.

Одет я обыкновенно (для Центра Империи): плащ из кожи змеептицы (ценой в пожизненную зарплату здешних шахтеров), на запястьях — нанобраслеты, от них руки как будто в перчатках из стальных лучей (тоже очень недешевая штука).

В остальном все просто. Волосы я не обрзал со дня сдачи экзаменов, так, подровнял вчера, и лицо мне немного выбелили от загара. Хотя, сколько ни сиди теперь в салоне, загар въелся — не отбелишь. И ширину плеч никаким плащом не скроешь.

Но это для миров Экзотики вульгарно — иметь такой грубый загар и такие широкие плечи, а здесь коротышка подрался бы со мной как раз потому, что я, по его мнению, слишком ухожен. Вот если бы я еще не смотрел на него с высоты своих двух метров!

Смог бы — съел бы меня глазами...

Здесь, на Ивирэ, не умеют скрывать мысли. Ивирэ — тихая планета. Северные задворки Империи. Выплавка металлов, добыча графита. Люди — прыщавые и мелкие. Девушки... Ну, девушки везде ничего, если помоложе.

Ивирэ называют еще Карат. За вид из космоса. Но лучше не садиться, чтобы не разрушать иллюзию. А я сел. Зачем? А не твоего ума дело.

Тут трилет завис, и я вышел. На остановке. Фантастика. Парням расскажу — не поверят.

Или тот, что смотрел на меня, — узнал?

В гостинице я уставился в зеркало. Может, что-то не так во мне?

Но все было как надо.

Я блондин, у меня большой рот и широкие скулы. Можно, наверное, сказать, что у меня чувственный рот, потому что он-то обычно и притягивает взгляды. Даже если сам смотрю на себя в зеркало, я вижу прежде всего рот. И женщины так же смотрят на меня, то есть на него, ну, как я в зеркало.

А больше и смотреть не на что. Глаза серо-зеленые, морда загорелая, как у любого космо. Скажи, у кого она в космосе не загорелая? Разве что у параб? Это парабы, твари шестирукие, не загорают от ближнего ультрафиолета.

Да, самое главное, мне двадцать два стандартных года. По имперским законам уже не мальчишка, но смотрю на мир все еще как семнадцатилетний. По крайней мере, в зеркале у меня очень наивные глаза, словно не убивал, не имел женщин. С такими глазами и живу. И убиваю.

Работа у меня такая — стрелок космической армады.

Вернее, пилот-стрелок. Второй пилот и второй стрелок. Оттого и волосы отрастил.

Почему? Да потому, что стрелки подчиняются напрямую наводящему. А наводящему плевать на мою прическу. А вот капралу совсем не плевать. Капрал подходит, смотрит сначала на выскобленную башку Дьюпа, потом на мою, волосатую, и долго-долго ругается на пайсаке. Но он плюется и уходит, потому что капрал мне никто, и звать его никак. И мне дела нет до того, что мой внешний вид ему противен. Когда ты полгода без твердой земли, один такой приход — полчаса радости. А поменяют капрала, я и волосы срежу — надоели. Могу даже побриться, как Дьюп.

Дьюп — мой напарник, то есть первый стрелок, а я его дублер и две дополнительные руки.

Дьюп не только в нашей паре первый, он Первый для всего крыла. Потому что мой напарник — один из лучших стрелков армады.

Башка у него всегда блестит, Дьюп бреет ее старинным таянским ножом. А в кожу между бровей он засадил толстое титановое кольцо. Парни говорят, что у Дьюпа не только кожа на лбу проколота, но и черепушка просверлена, и именно поэтому Дьюп — того. У него реакция — «четыре». А у человека потолок — «тройка». У меня тоже «тройка». Может, я и мог бы стрелять быстрее, но есть конкретная скорость прохождения сигнала в мозгах. То есть Дьюп палит туда, где цели пока нет, но сейчас она там будет.

И он не только палит. Еще никто не смог увернуться, когда Дьюп бьет кулаком в морду. Шутка у нас есть на корабле такая: заставить новичка подойти к нему, задрать нижнюю губу на верхнюю и хрюкнуть. Дьюп не обижается, он просто бьет.

За этой шуткой, похоже, скрыта какая-то давняя история. Копался я раз в сети и зацепил глазами слово «дьюп». Оказалось — это животное типа свиньи с такой вот выступающей нижней губой. И я понял, что Дьюп — совсем не имя, но спрашивать ничего не стал. Я слишком ценю дружбу с Дьюпом. Хотя язык у меня чешется. Когда-нибудь не удержусь и спрошу. Интересно, он мне врежет?

Из-за Дьюпа меня на корабле почти не задирают, хотя я первый год в армаде, да и вообще — есть за что.

И тут запищал софон.

Все бы ничего, но мне на этой планете никто не мог звонить. Я местный говорильник по прилете купил, чтобы такси, например, вызвать или гостиницу заказать. На руке болтался, конечно, служебный спецбраслет для связи с кораблем, такси можно организовать и по нему, но «батарейку» тратить жалко. Да и вызов пойдет как межпланетный, спишут еще с кредитки. А барахло однокнопочное можно потом сдать прямо в порту. И тем не менее оно зазвонило! Вот ведь сакрайи Дадди пассаеша!

Ответить? Хемопластиковый многогранник не мигал, предваряя голорасширение, и даже не сформировал экран. Значит, номер не определен. Кто-то ошибся? Тогда софоны обменяются параметрами автонабора, и «планетарник» смолкнет...

Нет, звонит, гадина.

Кому я могу быть здесь нужен? А главное — зачем?

«У человека есть сто восемнадцать способов испортить себе жизнь. И сто восемнадцать выходов из трудных ситуаций, но все они против совести», — вспомнил я экзотианскую поговорку и нажал единственную кнопку.

— Слушаю! — я уже не сомневался, что звонят мне.

Софон потеплел и изобразил допотопную трубку с голосовым модулем.

— Господин эрцог, эскорт будет через десять минут, — сказал бумажный голос.

Квэста Дадди патэра! Но вырвалось:

— Какой, к Памяти, эскорт?!

(Ну не мог же я выругаться на пайсаке? И я брякнул, что слышал на экзотианском Орисе. Есть там такая забавная религия Веры и Памяти. Ее последователи считают, что человек в принципе вечен, а убивает его только память. И выражаются типа «да иди ты к Памяти».)

Трубка икнула. Похоже, она и ждала, и боялась чего-то такого.

Эрцог, между прочим, самый высокий титул в мирах Экзотики после Императорского дома. Но если учесть, что

власть императора давно номинальная, то эрцог — о-го-го какая рогатая скотинка. Неужели меня до сих пор не опознали по голосу?

— Мы понимаем, что вы здесь инкогнито, господин эрцог, и подчиняетесь ритуалу. Но мы вынуждены настаивать на эскорте, — заходила трубка. — В провинции восстание шахтеров, беспорядки...

Я перестал слушать. Дешевая мистификация, или меня с кем-то глобально переплели? Эрцог?

— Какое МНЕ дело до ВАШИХ восстаний и ВАШИХ беспорядков? — тихо и язвительно спросил я. Я вообще стреляю и говорю быстрее, чем думаю, однако и навожу тоже быстро — «тройка», она и есть «тройка». — Вам сообщили, что я здесь? Забудьте это. Вы в курсе, что, если... Я... скажу... «УМРИТЕ»... вы умрете?!

Трубка заткнулась, наконец. Она была в курсе, что высокородные миров Экзотики, особенно так называемые ледяные аристократы семи высших домов, действительно могли убить двумя-тремя грамотно построенными фразами. И, похоже, эрцог, за которого меня приняли, тоже мог.

— Сна вам без сновидений! — попрощался я очередной экзотианской поговоркой и выключил софон.

Следующим порывом было — выбросить его в окно, но я сдержался. Софоном гостиничное окно не разобьешь даже в провинции.

Эрцог, надо же. Кто у нас вообще сейчас эрцог в двадцать два стандартных года? Ой, газеты надо было смотреть на подлете к Карату, а не зависать на порносайтах!

Включать софон, чтобы глянуть прессу, было бы большой глупостью. Его вообще следовало как можно быстрее сбросить с рук, этот дешевый звонильник.

Я оторвал от пластиковой гостиничной простыни длинную полосу, снял плащ, плотно свернул его, стараясь, чтобы получился прямоугольник, сунул на грудь под рубашку, примотал к телу. (Плащ из кожи змеептицы — не лучшая защита, но хоть что-то.) Потом я воткнул софон в задний карман брюк и пошел в гостиничный бар. Теперь за звонильник

можно не беспокоиться, минут через десять он отправится в причудливое путешествие по городу. Ну и Хэд с ним. А в баре к тому же есть раздолбанные терминалы, где можно полистать газеты.

Читая, я почувствовал, как софрон «ушел»... Не стал его задерживать. Я искал эрцога двадцати с небольшим лет, последователя Веры и Памяти. Может, кто-то недавно издох, и на парня рухнул титул?

«... стала смерть преподобного Эризиамо Риаэтэри Анемоосто Пасадапори. Наследник — двадцатилетний Агжелин Энек Анемоосто инкогнито отбыл в паломничество по местам молодости дяди. (Ну, правильно: эти ледяные уроды наследуют не отцу, а дяде.) Безвременно ушедший в возрасте двухсот тридцати шести стандартных лет эрцог и эрприор дома Паска оставил наследнику сто семь планетных систем (ого!.. ой, сколько всякой хрени!)... и синийский камень в 1842 карата с записью всех философских догматов дома Паска и высочайшей просьбой к наследнику рода, которую, как полагают родственники, тот и отправился исполнять».

Вот я влип. Хотя... Гори он багровым огнем, этот эрцог. Пива и спать! И пошел он в... Нет, неинтересно ругаться на стандарте. Скучно. Хорошо хоть — завтра на корт* и...

Я выпил пива и пошел в свой номер.

Дом Паска — это дом Аметиста по-нашему? Наверное, стремно быть эрцогом в двадцать лет. Стремно и занудно.

В номере я, не раздеваясь и не включая свет, рухнул на кровать, с наслаждением потянулся и... скатился, выхватывая импульсник (дельного оружия, к сожалению, не было — в увольнении не положено).

В дверь ударили. Она устояла. Еще секунда. Крутанул сальто и взлетел на косяк над входной дверью. (Слава вам, строители! Косяк — шириной почти в ладонь, а ведь его могло вообще не быть.)

* Космический корабль межзвездного сообщения.

В три погибели, но я уместился между косяком и потолком.

Дверь вывалилась. Не стреляли. Сначала вошел с фонарем один в светопоглощающем защитном костюме, весь как черная клякса, а следом ввалились четыре полиса.

Я швырнул взведенный на уничтожение импульсник в окно, а сам вылетел в дверь.

В окно со сто тринадцатого этажа я бы не смог — не птица. В лифт нельзя, но в конце коридора должен быть мусорный лифт. Он движется раз в сорок быстрее обычного, однако для космолетчика это не скорость, и я тут же взлетел (малость приплюснутый) на крышу гостиницы.

Набрал через браслет номер такси. Может, возьмет меня на крыше, если успеет? Похоже, успевало. Почему-то меня не стремились убрать из бытия вместе с гостиницей. Ну и к Хэду. Я хотел знать только одно: есть ли у полисов номер моего билета на корт?

Итак, я видел, что убивать меня не хотят. Ну задержат, ну допросят. Через сутки-другие удостоверятся, что я не эрцог. А я тем временем не попаду на корт, не смогу догнать свой корабль в доках, мне вставят в зад «дисциплинарное» и на полгода лишат увольнений. Стоит ли из-за этого рисковать жизнью? А почему нет? Тем более по мне пока не стреляют.

Не успел я отдышаться, как заметил идущее на снижение такси-автоматичку. Сел в него. На крыше все еще пусто. Значит, местные полисы не круче военных. А может, фишка в том, что я сдавал экзамен по программе «Коммуникации и война в городе» меньше года назад, а они, может, вообще не сдавали. Нас же заставили ко всему прочему инструкции зубрить: что делает полиция в таких-то и таких-то случаях. В моем случае полиция обязана была отключить грузовые и пассажирские лифты. Отключить их можно в подвале. Допустим, дали сигнал тем, кто внизу. Но потом-то надо за мной на крышу подняться! Может, полисы сейчас стоят и мусорный лифт нюхают? Ну, мусор, к счастью, давно уже возят в запаянных пакетах.

Хотелось поболтаться на крыше, посмотреть — под силу ли полисам подняться на мусорном лифте, но рисковать я не стал. Это была так, минутная блажь.

В такси сбросил остатки адреналина и стал размышлять медленнее. Ну, допустим, ночь промотаюсь над городом. Мне не привыкать. Утром оцепят космопорт... Нет, не годится. Допустим, лечу в космопорт сейчас и на чем смогу валю куда угодно, а там пересаживаюсь на... Стоп, сколько у меня на кредитке? Опять не выходит.

Мой корт, прежде чем подойти к Карату, делает остановку у местной Луны-4, он отцепит там разгонный блок и часть двигателей. Корт выйдет из прокола через... через двенадцать часов. До Луны-4 примерно два часа лету на внутрисистемном рейсовом. У Карата восемнадцать лун, так что с рейсовыми проблемы быть не должно, уж что-то по времени да подойдет. Я лечу на Луну-4, жду там свой корт, доплачиваю и сажусь на него. Корт идет к Карату. Заправляется. Висит на орбите. Прилетающих никакой бандак проверять не будет. Отсидиваюсь на корабле и в город не выхожу. Таким образом, в списках вылетающих с Карата меня не будет.

Риск, конечно, в таком плане был, но другого я пока не придумал и полетел в космопорт.

Когда сажился на рейсовый до Луны-4, у посадочных терминалов заметил какое-то странное движение. Ну и ладно. Проверять в первую очередь начнут вылетающих из системы, а не болтающихся внутри нее.

В общем, долетел я до Луны-4, убрал в туалете волосы под берет, покрасил губы и ресницы на манер мелкой звезды теледэпов и довольно спокойно сел на свой корт, хотя вылетающих и здесь уже проверяли.

Я был почти доволен, когда вошел в общий салон корта и стал искать глазами свое посадочное место. Место мне досталось самое дешевое, но больше половины салона пуствовало, а остановок больше не предвиделось. И я спокойно направился в элитную зону, где кресла поудобнее и проходы пошире.

И тут я увидел *его*.

Длинные светлые волосы, зеленые глаза, волевой рот... Правда, не такой смуглый, как я, но все-таки... В общем, я сразу понял, что это и есть эрцог. Дрянь земная! Вот же дрянь!

Корт ляжет на геостационарную орбиту через три часа, он не мелочь внутрисистемная, у него только разгон и торможение займут около часа. Этот похожий на меня парень выйдет и... Но ведь его не убьют, меня же не пытались убить? Стоп, это меня бы не убили, сдался я им.

Я прошел мимо эрцога и сел.

Он маячил на два кресла впереди. Я видел его затылок, такой беззащитный, мальчишеский. Вот ведь квэста Дадди патэра!

Поговорить в корте почти что негде — у каждого свое спальное место и место для сидения в общем салоне. Разве в кафе? Но как позвать туда эрцога?

И он, и я расположились на самых дорогих местах — удобное кресло, маленький столик, салфеточки... Эрцог экзотианец?

Я стал складывать из салфетки острую пирамидку, какие видел в ресторанах на Орисе. Башку можно сломать. Испортил три. Наконец вроде вышло. Если парень действительно экзотианец, он почувствует, как я нервничал, пока мастерил эту штуку.

Встал, прошел мимо него.

— Вы... урони... ли? — музыкальный, чувственный голос эрцога звучал неуверенно, словно он запинался на каждом слове.

Я обернулся.

Эрцог вертел в руках мою пирамидку.

«Идите за мной, — думал я, потев от усилия. — За мной».

— Спасибо, — забирая салфетку, я коснулся его руки.

Парень вздрогнул. Понял или нет?

Через десять минут он подсел ко мне в кафе.

— В общем, у вас примерно три часа, чтобы решить, что делать, — закончил я свой монолог.

Эрцог слушал сначала удивленно, потом задумчиво.

— А ведь мы даже не знакомы, — сказал он, поднимая невозможно зеленые глаза. Экзотианец был красивее и утонченнее меня на порядок, но в целом мы и вправду оказались здорово похожи. — Если... вам будет удобно, я представлюсь как Энек. Это второе имя.

«Ого, — развеселился я. — Имперца возвели в ранг членов высокородной семьи».

Ответить на такое доверие мне было нечем, у простолюдинов двойные имена не в моде.

— Анджей.

(Вообще-то, мама с папой называли меня когда-то Агжеем, но Дьюп переименовал на свой манер, и я привык.)

И тут же обозначился еще один повод для путаницы. Первое имя эрцога — Агжелин — было экзотианским вариантом моего!

Энек понимающе улыбнулся.

— Боюсь оскорбить... вас, предложив как-то компенсировать неудобства, которым... вы из-за меня подверглись. Но, возможно, вы примете подарок?

Эрцог снял с указательного пальца одно из старинных колец. Не такое, как сейчас, безо всех этих голонаворотов. Я не взял. Побоялся почувствовать себя хоть чем-то обязанным.

— Что будете делать? — спросил, допивая коктейль.

— Не знаю. К несчастью, по условиям завещания, я здесь один — без свиты и охраны...

Эрцог ловко свернул из салфетки такую же пирамидку, с какой бился недавно я. Покрутил ее в тонких, едва тронутых золотом загара пальцах.

Я смотрел на него и понимал, что не хочу ему помогать. Я уже устал быть крутым. И вообще, когда говорю, что убивал и имел женщин, то немного... В общем, пока что это женщины меня имели, а убивал я... не в лицо. В космосе не очень-то видно, куда палишь.

Сейчас мне хотелось одного — поспать и к Дьюпу, чтобы рассказать хоть кому-то понимающему всю эту долбаную историю. А это я мог — только Дьюпу. Я же не виноват,